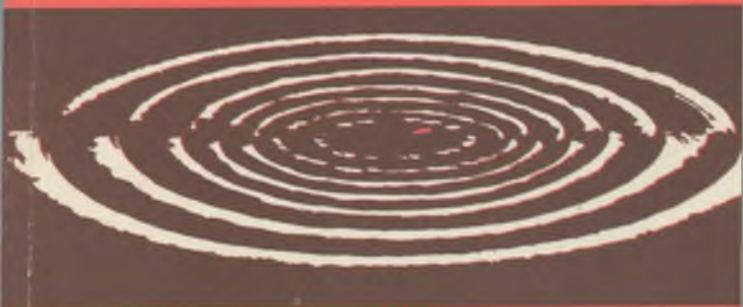

84/2РосРД6
В-19

СЕРЕЦКАЯ СЕНТЯБРЯ

Анатолий
ВАСИЛЬЕВ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.	
---------------------	--

84/2 Рос = Рус 6
В 19

Анатолий
ВАСИЛЬЕВ

середина сентября

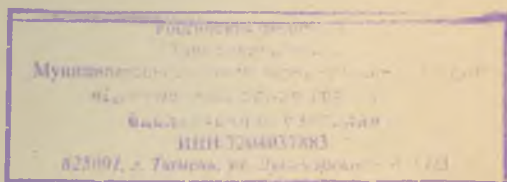
*Стихотворения
и поэма*

Москва
«Современник»
1989

— 107972 / 1 —

а 14

ББК 84Р7
В19

В $\frac{4702010200-126}{M106(03)-89}$ 135-89

ISBN 5-270-00536-0

© Издательство «Современник»,
1989

**ДОРОГА
НА ИШИМ**

* * *

Люблю неторопливые слова.
Неторопливо падает листва.
Неторопливы дни в лесу осеннем.
Неторопливы луны над селеньем.
И журавлей в заоблачный разлив
Нетороплив полет. Нетороплив.

* * *

Поезд скроется, даль клубя.

А разъезд,

Тишиной богатый,

Солицем летнего дня

тебя

Из ведра золотого окатит.

Где не странствовал ты?!

Со лба

Незаметно сбегут морщины.

Через легкий лесок

в хлеба

Выйдешь —

и захлебнешься ширью.

И бог весть в далеке каком —

Не добраться ни конным, ни пешком!—

Вдруг увидишь свой отчий дом

Под шестью своих скворешен.

* * *

Дощатый мост. Дорога на Ишим.
Над маревом плывущие увалы.
И чибисы, над зарослями тала
Взлетающие с утренних лощин.

И свет из тех послезакатных сит
На западе в июле перед жатвой,
Когда с покоса бойкая лошадка
Под сумерками весело трусит.

И колкая сентябрьская стерня.
И паутин сентябрьское касанье.
Родись я под иными небесами —
Во мне недоставало бы меня.

* * *

Тяжелей и ровней поплыла
В длинном звоне
Моя планета.
Это медные колокола
Над хлебами
Тронуло лето.
Дотлевают шлаком в золе
Дни, которым взрасти не сумелось.
Так уж водится
на земле —
В медь
себя отливает
зрелость.
И судьбы иной не иметь:
Слит и спаян
неотделимо.
Это время и мне звенеть
Медно,
Выстоянно
И длинно.

* * *

Закат себя сожжет вот-вот —
В большом огне земля и небо.
Не облака — а красный лебедь
За красным лебедем плывет.

На целый мир есть лишь закат,
Есть безрассудно и огромно.
И я стою на самой кромке —
И тоже пламенем объят.

И мне не надо ничего
Уже из жизни ежечасной.
К глазам подкатывает счастье.
Или предчувствие его.

* * *

Научи меня быть молодым.
Дни не встанут в розовом дыме —
Просто с пыльной тропинки алтын
Ни гроша не имевший поднимет.

Никаких чудес в решете,
А такая малая малость:
На какой-то далекой версте
Что-то очень мое потерялось.

Сам с собой один на один.
Не находит душа причала...
Научи меня быть молодым —
Надо все начинать с начала.

* * *

Над морем сине и сонно.

Мережной луны сатинет.

За линией

горизонта

Ни дали,

Ни шири

нет.

Дремотных границ не раздвинуть!

Отныне и на века

Дорожками

слюдяными

Стянуло его берега.

Но морю покой не прописан.

Оно,

Поднимая волну,

Яростно и ненавистно

Швыряет на скалы

луну.

И в мире тяжелого риска,

Тяжелых валов и камней,

Как жидкого олова

брызги,—

Короткая память о ней.

Январь

Застекленели даль и ширь.
Стоят стеклянные березы.
Одни крещенские морозы
На всю великую Сибирь.

По норам жизнь лежит лежмя.
Не шелохнет куста, не взглянет.
Лежит вдоль просеки стеклянной
Застекленелая лыжня.

Ты прилетел или приехал,
Мотора дрожь с крыла стекла —
У ног осколками стекла
Лежит разбившееся эхо.

Над рекой

1

Река течет на Север,
далеко.
И попусту ее не окликайте.
Поверженными кедрами
на карте
Через Сибирь так много их легло.
Им дела нет до наших бурь в стакане.
Ах, эти кедры знали, где упасть!
Но только и над нами эта власть
Ветров и льдов,
Ветров и океанов.

2

«Вам сколько лет?
Пора бы быть умней!»
Не вскидывайте голову —
нелепо.
Судьба судьбой,
Но человек, ей-ей,
Он сам себя в конечном счете лепит.
Ему, ей-ей, зазорно жить зудя.
Не с крыши начинают строить зданье.
Уж эти надоевшие страданья
Замешкавшихся в поисках себя!
У счастья слишком много едоков.
Не очень разживешься на готовом.
Давно жар-птиц окончился отлов,
Давным-давно пособраны подковы.
С чего сыр-бор?
А впрочем, мы ушли.

У вас глаза как восемьдесят восемь.
Но все-таки,
Когда приходит осень,
Должны же быть слышнее журавли.
В разметанность бессонниц

окаянно

Должны же дуть ночные холода!
Как пристани, оставив города,
Река уносит воды

к океану.

И отвлекало, да не отвлекло.
Не потерялся след ее в урманах.
И для меня сейчас

ее туманов

Целебнее парного

молоко.

3

Как просто потеряться, просто — согнуться.
Я уйду —

и ты поешь мне в спину.

Ни сцены нет,
Ни стен,
Ни потолков.

А зал — он не поймет,

он бестолков.

Его твое уменье с толку сбило.

Уйти, сбежать, уехать!

Но таксист

Сидит, как богдыхан под балдахином.

А ты, портьеру локтем отодвинув,

Уже на бис идешь из-за кулис.

Составишь каблуки —

и треть партера

Утонет

в миллионе алых роз,

- 107972-71

Другая треть,
влюбленная всерьез,

Подвергнет третью
действию примера.
Успех, а в чем?!

Ответ-то под рукой.
Но намеки —

взрываешься с обидой.

Не повтори других,
Себя не выдай
Ни голосом,

ни жестом,
ни строкой.

В безумье роз —
под модным бастрьком! —

Тебе привычно быть и знаменитым,
И к своему разбитому корыту
Привычно возвращаться стариком.
Затолканные,

мелкотные
дни.

Ты — никого, тебя — никто,
не бойся!

Вплывает
торжествующе
авоська

В твои покои —
и не прогони.

И, мыслью оглушительною пронят,
Порой на всем готов поставить крест.

В конце концов
на улицах оркестр
Слышней, когда кого-нибудь хоронят.

4

Эта давняя-давняя песня про Север
В нашей жизни когда-нибудь разве была?!

Не на рифы,

на мели

Мы, кажется, сели.

Не начав экспедиции,

сдали дела.

День,

неведомо где, отгорит,

не взойдя.

По всему —

помереть нам придется в постели.

Но какой-то забытой частицей себя

Мы всё едем на Север, всё едем на Север...

5

Река течет на Север,

далеко.

Дымком и дымкой даль обволокло.

В прохладном свете,

В поднятости синей

Еще огромней мир,

Еще вместимей

От высоко стоящих облаков.

А случая такого —
не придет.

Сплошной пожар.
Оранжевое буйство.
По всей Руси
Глаза смежай и узь!
Но, не успев одеться и обуться,
Глядеть на диво
Выбежала Русь.

Черкесск

Горы туманны и палевы.
Близка горизонта черта.
Город —
на нижней палубе
Кавказского
хребта.
Рвется Кубань стремнинная
К равнине сквозь заросли ив,
Чистеньких улочек
линии
Над берегом
остановив.
И плавают солнце над крышами
Звенящие золотом дни.
И перелазят
мальчишками
Подсолнухи через плетни.
Город как город.
Но изредка
Сюда спускаются с гор
Старцы в черкесках,
как призраки
Полузабытых пор.
И вдруг
Пронесется всадники
Куда-то мимо меня.
Кто-то в бою
на задние
Поднимает коня.
Гиканье.

Ножны медные
О стремяна гремят.
С седла боевого
медленно
Сползает
Хаджи-Мурат.
Жаркую кровь
долинами
С гор уносит река...
Такая дорога длинная.
Так близко стоят
века.

* * *

Ни ходко ни валко
Идут из рассвета
Рыбачьи фелюги.
Меж бочек уложены
Мокрые сети
В чешуйках севрюги.
Усталость недельная —
Волглою ватой
В руках просоленных.
Ведут рыбаки
Разговор угловатый
О доме и женах.
Фелюги качаются,
Как на рессорах,
В подветренном крене.
И вот их у плеса
Встречает поселок
В воде по колено.
...Утрами
Мычат на подворье коровы,
Визжат поросята.
На каждой поленнице
Сушатся робы,
Как будто горбаты.
В зажатых ладонях —
Прокуренных трубок
Клокастые гривы.
И думы одни
На устойчивых румбах —
О море и рыбе.

* * *

По-над кварталами
Синяя марь.
Тихо.
Оттаянно.
В городе март.
В городе тихий рассеянный свет.
У настроения
Имени нет.
Путь наугад
И слова невпопад.
Вечные аисты где-то летят.
Где-то в рассеянном свете возник
Их наплывающий медленно крик.
Мой аистенок —
Что это — пойму! —
Тянет спросонок
Ручонки к нему.
Тянет ручонки,
Светя из-под век,
Дерева жизни
Зеленый побег...
Путь наугад
И слова невпопад.
Белые аисты где-то летят.

* * *

И какой же я вежливый —
И словцом не кольну.
Очень уж не по-здешнему
Август щедр на луну.
Что-то скажут глаза твои
И опустятся вниз.
Я влюблюсь обязательно.
Ты смотри не влюбись.
Не придумай, что будто бы
Ты одна по Руси —
Я немислимый путаник,
Бог тебя упаси.
Просто вспомнилась женщина —
Дальний свет. Вот и льну.
Очень уж не по-здешнему
Август щедр на луну.

* * *

Я на донышке капли увидел тебя.
Ты осталась в далеком затерянном дне.
А забыла дождинку гроза на окне —
Я на донышке капли увидел тебя.

Снежные стихи

1

Такие развеселые дела!
Весь белый свет метель перемела.
И что за бес вчера меня попутал,—
К тебе ли отправляться на попутных?!
Ни колеса.
Ни полоза.
И мгла.
Сошли от ветра кустики в изложины.
А мне — на ветер.
Мне наоборот.
Тебе о том и мысли не придет,
Где я сейчас плутаю, обмороженный.
Меня самолеты на бегу,
За три часа две тысячи-то верных
Неблизких километров я отмерил.
А сорока за сутки не могу,—
Былинка на негнущемся снегу.

2

Ты все взяла, что некогда дала.
Твои признанья — крошки со стола.
Глаза студеной, сумрачной колодца.
Мне ничего на жизнь не остается —
Уходят даль и высь из-под крыла.
Я опоздал.
И все, пожалуй, правильно.
Натянута ниточка слаба.
Чужие, незнакомые слова.
Чужим дыханьем комната отравлена...
Тяну в чащобы узкий след лыжни.

А надо мной восходят в небо древне
Спокойными вершинами деревья.
Они сейчас мне только и нужны —
Высокие покои тишины.

3

Стеклянный лес — подобием ворот.
Входи — он день за днем переберет.
Мы в этом мире вместе пребываем.
Нет-нет на пень со снежным караваем
Солонкой с пихты шишка упадет.
И старый кедр с нашивками свержсрочника
У просеки возьмет под козырек:
Здесь путь двоих в былые дни пролег —
И вахта у него еще не кончена.
Он помнит лица, помнит имена.
Он очевидец — слов ему не надо.
Друг друга понимаем с полувзгляда...
— Ну как тебе живется, старина?! —
Лежит в снегах лесная сторона.

4

И нечего мне делать в этом доме,
Где ты молчишь, а я как на ладони.
Метет метель. Звенит во все бубенчики.
В конечном счете счастье неизменчиво:
Оно то не догонит, то обгонит.
Метет метель...
Пусть знамений-примет
Не принимало сердце и не примет...
Но Дед Мороз — он в скоморошьем гриме,
Но в снежной кутерьме просвета нет...
Так у меня сегодня руки ломит
По нашим нерожденным и неянченным,

Кричу годам: — Любимую не сглазьте! —
Что б ни было, а молодость права.
Она страна, где пристани — без расстаней,
Где лунным светом залито окно.
Ей, может, вечной быть не суждено,
Но и за это ей должно быть воздано.

Вечерние птицы

Стелет черные простыни
По затонам вода.
Ты дорогой, я — осторонь
Через дни и года.

Даже отзвука имени
Твоего не дойдет:
Ты всегда впереди меня
На один перелет.

Машем крыльями медленно
Над вечерней водой
Там, где каждому велено
Было птичьей звездой.

* * *

Все в мире сегодня привычно.

Два слова в дверях

невпопад.

И утренней

электричке,

Пожалуй, я даже рад.

Не надо ни клясться,

ни верить.

Один поворот

колеса —

И в сутолочной

круговерти

Ни голоса,

Ни лица...

Мгновенье вернуть —

и взглядеться!

Упасть на колени

моля!..

Но очень похожа на бегство

Вокзальная спешка моя.

* * *

Свет без тени. Рощи — мачтами.
Одинокий вскрик клеста.
Мы становимся прозрачными,
Как осенние леса.

Дни с везеньями и связями
Из другого словаря.
Наши головы — как ясени
В середине сентября.

Что утрачено — утрачено.
А за сущее — горой...
Мы становимся прозрачными.
Так что холодно порой.

* * *

Завтра выпадет снег.
Последние
Опадают окрест леса.
И друзей моих заповеднее
Отдаленные голоса.

В перестуках военного поезда...
Над кромешной бедою той,
О которой и нынче боязно
Разговаривать нам с тобой...

Завтра выпадет снег.
Прости меня,
Нам ли двери-то на засов?!
На дорогах к закату пустынное —
Больше отзвуков, чем голосов.

* * *

Некогда дань платить мелочам.
Падают звезды по вечерам
В стынущий август, в густые овсы —
И останавливаются часы.
Тихо, как в зале после спектакля.
Капают с крыш монотонные капли.
Тихо и выразительно — будто
Капают кровные наши минуты...

**ОФИЦЕРСКОЕ
ОБЩЕЖИТИЕ**

ЛЕЙТЕНАНТЫ ЦЕЛУЮТ ЗНАМЕНА

Посвящение в офицеры

**Лейтенанты целуют знамена.
И познабливает слегка
От торжественного холодка
На притихшем плацу батальоны.**

**Пролетает эпоха в мгновеньях.
А они в переплеске погон
На колени встают у знамен,
Чтоб не знать, как стоят на коленях.**

Крушение

Не переступило между...

В который раз

с облегченьем

Дыхание перевожу.

Военные строители

Мы уходим.

А на бетонных панелях

Вьюга вьет

распускающиеся кружева.

И, замешкавшись в выемках шва,

Стартплощадку

На прямоугольники

делит.

Мы уходим.

И сделанная работа,

Отныне

Обслуживающая

небеса,

Отзывается в нас усталостью и ломотой.

И все под ногами качаются

строительные леса.

Мы уходим.

Сменяют нас те,

У которых на небо особое право.

Каждый шаг их становится поступью славы —

Как то и положено на высоте.

...Не имеем обиды.

Да что вы?

Оставьте!

Нас,

неназванных,

Разве не знает страна,

Если с наших площадок уходят в полет космонавты,

Если с наших имен

Начинаются их имена?!

**Мы уходим.
Рабочим шагом усталым
В сумерки опускающиеся
идем.**

**К нашему строю
Вьюга привычно пристала.
Завтра в привычные шесть подъем.**

Условный противник

1

В атаке нет пути назад.
И страха нет.
Но это враки.
Звения,
Над пропастью висят
Отполированные
траки.
В них скоростей высоких зуд.
Уже в бою наполовину,
Они по воздуху
несут
Разгоряченную
машину.
За нею пыль,
За нею прах!
Ее азарт —
в душе тревогой.
Но не расходятся
в горах
Без столкновения
дороги.

2

Упругие нервы —
под током.
Внезапных приказов —
обвал.

Гудит
Селевым потоком
По каждому борту
напалм.

Глаза заливает
потом.

Натужный мотор перегрет.
Двужильным солдатским работам
Готового перечня нет.
И надо медали чеканить —
Не просто большая игра
Раздавшегося
плечами

Мальчишеского
двора!

Тяжелое пламя отринет —
И вновь упадет на броню.
Сжигает
условный противник

Дорогу
В условном бою.
Сломался.
Не вынес нажима.
Но праздновать рано не даст!
Отбрасывает

машину
На черные скалы
фугас.
Хребет проседает, охнув...

Далекому взрыву в ответ
В бессонных маминых окнах
Нечаянно дрогнет свет.

Ночью холода в горах остры.
 Каждому работы перепало.
 В стороны кидаются

костры

Нашего высокого привала.
 Ни умом, ни сердцем не робей.
 Карту развернули командиры...
 Нижний мир
 Пускает голубей,
 Навык

отрабатывают

тиры.

Стынут бездны далей, бездны лет.
 Белый свет, к чему себя готовишь?!
 Млечный Путь —

как тянущийся след

От костров кочевий и становищ.

Оглянись —

И снимутся века,

Покидая пожни и пожитки.

За копытным стуканьем валька —

Детский плач

И женский плач

кибитки.

Миру в мире жить не привелось.

Воздух настороженный и колкий.

И сквозят отверстиями звезд

В небе стрелы,

пули

и осколки.

Мгновенья настороженного сна —
 Мгновенья настороженного счастья.
 Издалека ко мне идет она
 В несмелости всегдашней и всевластье.
 В ее глазах —

лесная тишина

И полутени сумерек вечерних.
 И кажется,

она отражена

Рекою с остановленным теченьем.

И мне одно

На голубом и алом,

На грозовом моем материке:

Чтобы случайной зыбью

не сломало

Живое отражение в реке.

Трактаты о вечном мире...

Выси —

к горе гора.

В четкой сетке визира

То же, что и вчера.

Полк батальоны двинул

В серый сырой рассвет.

Есть

Условный противник,

Долга

условного

нет.

Кто здесь,

В горах, под дождями,

Что и когда искал?!

Хмурое
выжиданье
Тронутых ржавью
скал.

Просто так не пропустят,
Испытают собой.
И обостренней чувство
Родины за спиной.

ТЮМЕНСКИЕ СТИХИ

* * *

Буду пятым, десятым, сотым —
Не о том сейчас

разговор.

Подо мной проплывают соты
От воды разбухших озер.
Жизнь, меня не води под локоть
Ни сейчас,

ни потом,

никогда.

Широко,
Далеко-далёко —
Затопившая мир

вода.

Чертополье.

Шаманский танец.

Ходит истина здесь нагой.

На сухом пяточке не встанешь,

И одной

не встанешь

ногой.

А попробуй рискни некстати —

Не отыщет никто следа...

Только люди пришли

и встали

Здесь

обеими

и навсегда.

Междуреченск

Жизнь закружит —
и не встречусь,
Разойдусь в пути с тобой.
Ты приснись мне,
Междуреченск,
Солнцем,
Лесом
И водой.
Сотвори счастливый праздник!
В приполярный день плесни
Молодежный запах краски
И распиленной сосны.
И ступенек —
Плаха к плахе! —
Повтори веселый счет,
Чтобы пристань
Устье-Аха
В сердце ахнула
еще.
И пока
на перекатах
Навигация,
Сезон —
Дымный след потянет катер
По реке
за горизонт.
И его гудкам над плесом

Отзовется вновь

она

Оселками

сенокоса —

Луговая

сторона.

От костра к костру —
к городам.

Путь-дороги,
В стекло накатанной,
Не размыть никаким дождям!
А ударит громами близкими —
В колее
потеряешь след.

И покажется,
что не высохнуть
Ей и за сто ближайших лет...
Только знаков триангуляции
Усеченные
конуса.

И царит она
над пространствами,
Потому что ей нет конца.

Нефти
 черный котел
Кипит.
Ни замены им,
Ни отмены.
Пребывают всегда
 в цене. •
И ни шагу без них
 Тюмени.
И ни шагу без них
 стране.
Не сошлешься на то и то-то.
И не скажешь, что не могу.
Переходит Тюмень
 болота,
Раздвигает Тюмень
 тайгу.

**ОГНЕННЫЕ
КОЛОКОЛА**

Главы из поэмы

...они сражались на русской земле против
вооруженной четырнадцатью державами контр-
революции, сражались в интернациональных
частях Красной Армии, организованных
Бела Куном и его товарищами Тибором Са-
муэли, Кароём Лигети...

Ирина Кун

Я буду бурей, — новой, опустошительной.
Передо мной упадут скалы и стены.
Я выверну ночную глубину моря —
И хищные рыбы забьются на берегу.
Я буду бурей, созидающей новь.
На дно морей я обрушу гордые утесы,
А из основы их
Вырву новые высокие хребты...

Карой Лигети

*Карандашный набросок
стихотворения 1910 г.*

«Одиннадцать часов ночи.
Только что пришел от товарищей, собирающихся обычно в другом бараке, где каждый вечер от пяти до одиннадцати мы проводим беседы о русской революции... Мы все стали большевиками, отсюда мы поведем большевиков, людей, умеющих драться на баррикадах...»

Из дневника Лигети

БРАТАНИЕ

В мережи туманов валких
Тетеревиный

ток.

Заторы сирени в балках,
Черемуховый

холодок.

И, следуя доле лучшей, —
Весеннему естеству —
На проволоке

колючки,

Как почки,
Гонят листву.
На фронте —

от края до края —

И спереди,
И позади
Стоит тишина такая,
Что хоть босиком ходи.
Ни клятвы.
Ни командира.

Земле,
Искромсанной зло,
Качнуться бы в сторону мира...

И это произошло.

Идут опасливым шагом
Два парня от русских траншей.
Без ружей.
Под белым флагом.
Хоть собственный белый
шей!

Безмолвье.
Но будто косит
Литовка в дали земной.
И Лигети не выносит:
— А ну, ребята,
за мной!

Порвет человек
арканы —

И сам собой
человек.

С раскинутыми
руками

Навстречу собратьям
бег.

.....

Приказы
на престонародном.

В патронник
загнан
патрон.

Разведены
по исходным

Солдаты обеих сторон.

Земли
Гранитные тонны
Куда-то шли
 кувырком.
То вдруг из атаки отбитой,
Ознобом обдав ледяным,
Подкованные
 копыта
Опять
 заносились
 над ним...

По зарослям пыльной полыни,
Поднявшейся выше колен,
Носилки качались и плыли
С поручиком Лигети в плен.

ПЛЕН

То солнце багровое выкатит,
То месяц к звездам пристынет.
Под стражей
 поручика Лигети
Везет на телеге Россия.
По ярам над древними реками,
По трактам степями большими.
А рядом —
 дремучая непроглядь
Сермяжного нижнего чина.
Конвойные?
Пленные?
 Лицами
Серей невозможно слиться.
Разлады —

между столицами,
А пыль над солдатом клубится.

На тракт
Босиком и без пояса
Выходят молчать деревеньки.

Презренье брезгливо покоится
На веках полковника Дьенге:
— Поручик!
Мы, кажется, преданы.
Чем дальше, тем это яснее.
Приносятся в жертву передние,
Чтоб задним жилось веселее.
Но нам не ходить

в затолканных:

Почены жизнью
вдосталь.
Ведь солнце светило
только бы,
А место под ним найдется.

Дослушивать —
дело лишнее.

Зажмурься —
И родина встанет
На каждом углу
униженно

Прозящую
подаянье.
Как рекрута, память не вышколишь.
И каждое утро,
сутулый,

К отцовской кузнице
Кишкёрёш
Потянется с хламом кастрюльным.

Лицами

Серей невозможно слиться.
А может, не теми границами
Прошли по планете границы?

СТЕНА

Она как идол.
И не докричаться.
Столетиями вражды возведена,
Она на вид нема и беспричастна,
Безликих лиц китайская стена.
Но опрокинь барьеры и заставы —
Услышишь в гулкой тишине предбитв,
Как ненависти сдавленная лава
В потемках душ клокочет и бурлит.
И перед ней замрешь оторопело.
Как жестко сжат окаменевший рот!
Еще толчок —

и долгое терпенье

Накопленную яростью

рванет.

Земля живет предчувствием раскола.
И как перед атакой замерла.
Мятежный дух срывается с прикола.
И огненные бьют колюкола.

ГРАНИЦА

У крыльца офицерского флигеля —
Напряжение
тетивой.

Негодующий голос Лигети
На пределе владеть собой:

По-особенному
красив.
Мало этого вызова?!
Вздрогнули,
Смолкли все голоса.
И раздвинула
обе стороны
Пограничная
полоса.
Пролегла по планете
резкая.
Над Россией,
Над каждой судьбой —
Сотрясающий выстрел
крейсера,
Вызывающего
на бой.
Поднимается
новая Венгрия.
И уже за Лигети
он
Обозначивается
шеренгами,
Красной гвардии
батальон.
Сложит голову,
Но не отступится
Он от кровного
своего.
Принимает его
Революция
И рассчитывает
на него.

МЯТЕЖ

Ночь черней и пасмурней эсерки.

Замирают тени по углам.

Утром

Взорвались над Омском церкви,

Раздирая пасть колоколам.

Выстрелы в провалах улиц дрогнут —

И под каждый кров,

Под каждый кров.

С севера —

казацьи эскадроны.

С запада —

ватаги юнкеров.

С теми и другими куролесит,

Зарабатывая

на корм,

Прочая потрепанная несеть

Разных толков,

Разных униформ.

Мир на мир.

С водонапорной башни

Пулемет,

захлебываясь,

бьет.

Тут и там

нет-нет

и в рукопашный

Яростное утро перейдет.

Полоснет над самым ухом шашка.

Пулеметы зло в упор сорвут.

Белый

мятеж.

Победно стволами выставлен,
В литую броню одет,
Он подберется —

и выстрелит

В занявшийся русский свет.
Он знает, а не надеется,
Что с ходу сметет под откос
Заслоны

красногвардейские

И не замедлит колес...

Во фронт и во фланги

тычется

Таранных атак бревно...

Редеют ряды

психической,

Но прут и прут

все равно...

БЕРЕГ

Дорога вконец от дождей расплзлась.
Телеги —

в суглинке по оси.

И кони коленями падают в грязь,

Как будто прощенья просят.

Четвертые сутки подряд

отряд

Несет на себе обозы.

Что город оставлен —

не он виноват.

Но что в этой истине

пользы?!

Сутулит спины чувство вины.

Все дальше от Омска мадьяры.

Костры их привала

отражены

В ночном Иртыше

под яром.

Широким пространством дышит река —

Темна, безмолвна, сурова.

В блокноте у Лигети

ищет строка

Необходимое слово:

«Пусть враг идет на приступ, на таран,

Не падать духом, красные мадьяры!

За нами все слышнее по утрам

Ответных пушек дальние удары.

И пусть прибой нас к берегу прибил —

Не скитом мы раскинуты, но станом.

В последний бой с врагом и из могил

Мы в цепи атакующие встанем.

И в дни торжеств шагнем за тот рубеж,

Где солнце отвоеванное светит,

Где благодарный красный Будапешт

Цветами и объятьями нас встретит...»

Спокойная ночь у костра

до трех.

А после трех ночи

На берег выносит река

юнкеров,

И белочехов,

И прочих.

Внезапный наскок их упруг и ретив.

И не таких, мол, громили!

Наперекос

оружие рты,

Наперевес
 карабины.
Сровняют с землей, не оставив следа.
Что значит орешек
 для глыбы?
Но этот народ уже никогда
С его позиций
 не выбить.
И берег
 берет
 врага
 в оборот.
В песок зарывает носом.

Пришедший на помощь врагу пароход
Громоздко навис над плесом.
На палубе щурятся:
 с бала на бал.
Без проволочек,
 тут же
На берег пошел за обвалом обвал
Шестидюймовых
 пушек.

ЛЕГЕНДА

О ней —
 застучавшие ставни,
И слухи,
И воронье.
И, кажется, воздухом стала
Летучая слава ее.
То лесом,
 то степью,

то полем —
Стремительной тенью крыла.
По селам плывут с колоколен
Безбожные

колокола.

Над сходкою,
Сдвинувшей брови,—
Агитационный

талант.

Легенда
Во плоти и крови
Мутит мужиков по тылам.
Слова раскаленные —

с лёта.

В порыве —

клинок наголо.

Горнист шелохнется —

и в седла,

Стремян не коснувшись,

село.

И вместе с легендой растает,
Оставив в есулонах хлеба,
У пыльных околиц оставив
Незрячие статуи баб.
Дозорными их ожиданий
Мальчишки не слазят с трубы.
Но только за дальней деляной —
Костров

голубые

столбы.

Легенда.

Легенда.

Легенда.

Под седлами взмокла кошма.
Опять наведенная кем-то
Погоня по следу пошла.

И собственный след потеряла.
Сомкнулись листва и трава.
На месяцы
 опережала
Легенду людская молва.
И ей —
 ни преград,
 ни пределов.
И, дни взбаламутив до дна,
Стремительной тенью летела
По странам планеты она.
От сел к городам —
 перекатом.
И бредила далью другой,
Бунтующие
 баррикады
Оставив в пути за собой.

Подмяв под себя пьедесталы,
Разламывался
 Будапешт,
Овихренный вспугнутой стаей
Валюты,
Ворон
И депеш.
Свое утверждая начало
Над сильными мира сего,
Один за другим
 занимала
Легенда
Кварталы его.

Над паникою угорелой,
С утра осадившей вокзал,

Ломаные молнии висят.
Чутко настороженная в этих
Отблесках, лилово даль гола.
Красный конник скачет по планете.
Огненные бьют колокола.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГА НА ИШИМ

«Люблю неторопливые слова...»	4
«Эге-гей!..»	5
«Поезд скроется, даль клубя...»	6
«Дощатый мост. Дорога на Ишим...»	7
«Мы растем быстрее, чем города...»	8
«Тяжелей и ровней поплыла...»	9
«Закат себя сожжет вот-вот...»	10
«Раскалился июль — и уже...»	11
«Научи меня быть молодым...»	12
«Над морем сине и сонно...»	13
Январь	14
Над рекой	15
Осень	19
Казашка	21
Черкесск	22
«Ни ходко ни валко...»	24
«Года взрослей, а дни — моложе...»	25
«По-над кварталами...»	26
«И какой же я вежливый...»	27
«Я на донышке капли увидел тебя...»	28
«Ах, какая ты рыжая-рыжая!..»	29
«Сумасбродная, непослушная!..»	30
Снежные стихи	31

Вечерние птицы	35
«Все в мире сегодня привычно...»	36
«Затерялась ты в сини вечера...»	37
«Свет без тени. Рощи — мачтами...»	38
«Завтра выпадет снег...»	39
«Некогда дань платить мелочам...»	40

ОФИЦЕРСКОЕ ОБЩЕЖИТИЕ

ЛЕЙТЕНАНТЫ ЦЕЛУЮТ ЗНАМЕНА

Посвящение в офицеры	42
«Тревога! Тревога!..»	43
Военные строители	45
Офицерское общежитие	47
Условный противник	48

ТЮМЕНСКИЕ СТИХИ

«Буду пятым, десятым, сотым...»	53
Междуреченск	54
Дорога	56
Тюмень	59

ОГНЕННЫЕ КОЛОКОЛА

(Главы из поэмы)

Братание	63
Атака	65
Плен	67
Стена	70

Граница	70
Мятеж	73
Испытание	75
Берег	76
Легенда	78
Монолог Кароя Лигети	81

Васильев А. И.

В19 **Середина сентября: Стихотворения и поэма.** — М.: Современник, 1989. — 85 с. — (Новинки «Современника»).
ISBN 5-270-00536-0

Стихи тюменского поэта Анатолия Васильева отличает неподдельная гражданственность: его герои — люди, защищающие Отечество, осваивающие природные богатства сибирского Севера. Автору удается сказать об этих людях свое, необщее слово.

Особое место — значительностью и благородством темы — в книге занимает поэма «Красные колокола», речь в которой идет о «красных мадьярах», о их вожде Кароле Лигети, участвовавших в Октябрьской революции и отдавших за нее жизни.

В 4702010200—126 135—89
М106(03) —89

ББК84Р7

Васильев Анатолий Иванович

СЕРЕДИНА СЕНТЯБРЯ

Стихотворения и поэма

Редактор **В. В. Нежданов**

Художник **Н. Мольс**

Художественный редактор **В. В. Покатов**

Технический редактор **Е. А. Васильева**

Корректоры **М. Г. Курносенкова, Г. В. Селецкая**

ИБ № 5241

Сдано в набор 9.11.88. Подписано к печати 1.04.89. А 04175.
Формат 70x90¹/₃₂. Гарнитура об. нов. Печать офсет. Бумага офс. № 2. Усл. печ. л. 3,22. Усл. кр.-отт. 6,59. Уч.-изд. л. 2,62.
Тираж 10 000 экз. Заказ 192. Цена 30 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30

В 1989 г. в нашем издательстве выйдет в свет интересная книга стихотворений Роберта Винонена «Опереться на бездну».

По характеру своего дарования Р. Винонен — поэт лирико-философского склада. Он сдержан по натуре, ироничен и откровение души чаще всего передает опосредованно.

Тревогой за людей, за нравственное здоровье народа, тревогой за природу пронизана эта книга.

Слово поэта — емко, экспрессивно. Читателю наверняка запомнятся такие, например, афористичные строки:

*Копить врагов — еще не честь,
Не ими светел свет.
И, может быть, у них я есть,
Но у меня их нет.*

Анатолий Васильев родился в 1936 году в г. Ишиме Тюменской области. Окончил Омский медицинский институт, служил в армии. В настоящее время работает в Тюменском отделении Советского фонда культуры.

Стихи печатались в журналах «Октябрь», «Наш современник», «Урал», «Сибирские огни», «Советский воин», «Байкал», в альманахах, в еженедельнике «Литературная Россия», в «Комсомольской правде». Автор стихотворных сборников, вышедших в Омске, Новосибирске и Свердловске.

Член Союза писателей СССР.